

**Немирович-Данченко Николай
Андреевич**

Грех

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
Н63

Н63 **Николай Андреевич Н.**
Грех / Немирович-Данченко Николай Андреевич – М.: Книга по Требованию,
2024. – 108 с.

ISBN 978-5-519-99195-7

ISBN 978-5-519-99195-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

I.

Въ день своего рожденія, 10-го марта, Аликъ Мильчевскій, кадетъ 7-го класса, долженъ былъ угостить товарищей ужномъ. Онъ самъ напросился его устроить и столько наобѣщалъ, что отказаться было уже невозможно,—нужно было достать денегъ во что-бы то ни стало. Эти деньги и этотъ проклятый ужинъ не выходили у него изъ головы; болѣзненно самолюбивый онъ страдалъ при мысли, что онъ, будущій блестящій гусарь,—такимъ онъ себя рисовалъ,—окажется несостоятельнымъ передъ товарищами, не съумѣетъ «закатить ужинъ съ трескомъ», какъ это сдѣлалъ недавно одинъ изъ товарищей по классу, между тѣмъ достать потребную сумму можно было лишь однимъ способомъ,—украсть у отца. Сдѣлать это было весьма просто: отецъ держалъ деньги въ правомъ выдвижномъ ящикѣ своего письменнаго стола, и Аликъ, подобравъ ключъ, уже дважды лазилъ туда, одинъ разъ

взялъ двадцать пять рублей, другой разъ пятьдесятъ, но оба эти раза онъ такъ мучился, что твердо рѣшилъ болѣе не повторять опыта, тѣмъ болѣе, что, какъ показалось ему, отецъ что-то заподозрилъ. Впрочемъ, можетъ быть это только такъ показалось; послѣдніе два-три мѣсяца у него вообще установились странныя отношенія съ отцомъ: они почти не разговаривали и видимо избѣгали другъ друга. Алика это очень угнетало, но такъ какъ выхода онъ не видѣлъ, то озлоблялся и послѣдніе дни дошелъ до того, что дѣйствительно ненавидѣлъ и отца, и мать, видя въ нихъ причину своихъ страданій.

— Самъ воръ! инженеры всѣ воры! — озлобленно бормоталъ онъ, имѣя въ виду своего отца, генерала и военного инженера. — Пусть-ка скажетъ мнѣ что-нибудь, я не испугаюсь, я отвѣчу...

Въ такомъ настроеніи 10-го утромъ онъ, уже одѣтый, чтобы идти въ корпусъ, вдругъ изъ передней вернулся въ комнаты и съ самымъ дѣловымъ видомъ вошелъ въ кабинетъ отца. Горничная Ксенія, подававшая ему пальто, машинально послѣдовала за нимъ и съ ужасомъ увидѣла, что онъ готовится открыть ящикъ, — уже по одному тому, какъ при этомъ нервно дрожали его руки, было очевидно, что дѣлаетъ онъ что-то нехорошее.

— Баринъ, миленькій, что вы! — воскликнула она.

Тутъ только Аликъ замѣтилъ ее.

— Дура, — выругался онъ, — молчи!

Вложивъ ключъ, Аликъ нѣсколько провозился съ нимъ и наконецъ только сообразилъ, что замокъ не запертъ. Сердце его, напряженно бывшееся, вдругъ упало, онъ понялъ, что все проиграно, что онъ пойманъ, но машинально, продолжая начатое, онъ дернулъ и вытащилъ ящикъ. Ящикъ оказался совершенно пустой, все было оттуда выбрано, и на днѣ лежалъ листъ почтовой бумаги съ надписью:—«стыдно быть воромъ, тѣмъ болѣе будущему офицеру»,—писалъ это очевидно отецъ, хотя и измѣненнымъ, крупнымъ почеркомъ.

Аликъ, блѣдный какъ полотно, съ грохотомъ вдвинулъ ящикъ на мѣсто и, грубо толкнувъ въ дверяхъ горничную, вышелъ въ переднюю, а оттуда на лѣстницу. Слѣдомъ за нимъ шмыгнула Ксенія; схвативъ его свободную руку, въ другой онъ держалъ книги, она стала жадно цѣловать ее.

— Баринъ, не нужно...—испуганно бормотала она, предчувствуя несчастье, а потомъ инстинктивно попробовала приласкаться:—Алеша, не ходи куда... Дома лучше, дома никто не обидитъ...

— Отстань, ты надоѣла!—оборвалъ ее Аликъ и сталъ быстро спускаться внизъ.

Эту Ксенію онъ ненавидѣлъ, стыдился ея и мучился изъ за нея. Ее, простую деревенскую дѣвушку, не умѣвшую ни одѣться прилично, ни подать, ни прислужить, къ тому же еще очень некрасивую, такъ по крайней мѣрѣ казалось Алику, неизвѣстно для чего взяли въ

домъ, хотя до нея у нихъ всегда служила отлично выдрессированная прислуга, и вышло какъ-то такъ, что Аликъ, до того не имѣвшій представленія о женщинахъ, соблазнился ею и она стала его первой любовницей. Связь эта продолжалась около мѣсяца, причемъ Аликъ обращался съ ней нестерпимо грубо и если случалось ему быть съ ней ласковымъ, то послѣ этого онъ какъ будто мстилъ ей, дѣлался еще болѣе грубымъ и съ отвращеніемъ прогонялъ ее отъ себя, для того, чтобы потомъ, на слѣдующій вечеръ опять позвать ее къ себѣ, и она приходила покорная, ласковая, готовая все простить. Такія отношенія, разумѣется, мучили его, но бросилъ ее окончательно онъ лишь послѣ того, какъ познакомился съ другими женщинами. Ксенія стала ему окончательно ненавистна, а то что она искренно къ нему привязалась и пользовалась каждымъ удобнымъ и неудобнымъ случаемъ, показать ему свою любовь, только раздражало его и онъ нѣсколько разъ просилъ мать уволить ее, но мать изъ какихъ-то своихъ видовъ продолжала держать дѣвушку, хотя сама придиралась къ ней на каждомъ шагу. Все это было очень странно и сложно, и Алику трудно было разобратъся, но онъ что-то смутно угадывалъ и это выразилось въ томъ, что въ отношеніяхъ его къ отцу и къ матери произошелъ крутой переломъ,—сначала появилось простое отчужденіе, но такъ какъ область недоговореннаго и неяснаго съ каждымъ днемъ расширялась, то отчужденіе очень скоро пере-

шло въ открытую вражду, что мучило обѣ стороны, но никто не зналъ, какъ найти выходъ изъ создавшагося положенія.

Аликъ уже пришелъ въ корпусъ, вошелъ въ классъ, а все еще не рѣшилъ, что сказать ему товарищамъ по поводу назначеннаго на сегодняшній вечеръ кутежа; но его предупредили и, когда онъ, пораженный гробовымъ молчаніемъ, какимъ встрѣтили его въ классѣ, невольно оглядѣлся кругомъ, то увидѣлъ, что на классной доскѣ громадными буквами было написано:— «сегодня корнетъ Мильчевскій устраиваетъ ужинъ корнетамъ 7-го класса. Приглашенные имѣютъ собраться къ 9-ти часамъ вечера у Раисы Александровны. Меню: 1) борщъ съ тараканами, 2) жаркое изъ крысиныхъ хвостовъ, 3) вмѣсто сладкаго предложено будетъ цѣловать Ранчку» — Далѣе на самомъ краешкѣ доски приписано было: «Примѣчанія:—1) водки будетъ въ изобиліи, 2) за дѣвочекъ каждый платитъ самъ за себя».

Попавъ въ знакомую товарищескую среду, Аликъ нѣсколько оправился, и даже засмѣялся, прочитавъ меню ужина.

— Что? отлично придумано?—хлопнувъ его по плечу, провозгласилъ баронъ Шлоссенбергъ, юноша великовозрастный и уже сильно развращенный, имѣвшій всѣ данныя къ тому, чтобы задавать тонъ въ классѣ.—Я смотрю такъ: въ рестораны насъ пускаютъ съ трудомъ и пользуются случаемъ слупить въ тридорога, къ тому-же оттуда все равно придется

ѣхать къ женщинамъ, такъ уже лучше сразу туда забраться!

— Отлично, отлично! я очень радъ!—отвѣтилъ Аликъ, дѣйствительно обрадовавшійся представившемуся выходу.

Раиса Александровна, о которой шла рѣчь, была квартирной хозяйкой и держала у себя двухъ-трехъ, рѣдко четырехъ дѣвицъ. Этимъ она и жила. Прп ея умѣніи вести дѣло, могла-бы уже имѣть хорошій капиталецъ, если-бы сама не была подвержена вѣкоторымъ слабостямъ: во первыхъ пила и иногда даже сильно, но это бы еще ничего! гораздо пагубнѣе оказывалась для нея другая ея страсть,—любовь къ мальчикамъ-подросткамъ. Уже много разъ каялась она, но устоять противъ соблазна не могла и нѣтъ-нѣтъ какой-нибудь мальчуганъ, непременно чистенькій, непременно въ формѣ, гимназистъ или кадетъ, становился ея жертвой, а это, такъ какъ мѣры она не знала и сдержатъ себя въ опредѣленныхъ границахъ была не въ состояніи, приводило ее весьма часто къ столкновенію съ полиціей, что обходилось ей весьма дорого. Снова Раиса Александровна клялась, что больше никогда не впуститъ въ квартиру мальчишекъ, «да чтобъ я!.. да пропади я пропадомъ!..» и снова выходило такъ, что кто-либо изъ ея постоянныхъ посѣтителей, нуждаясь въ кредитѣ, приводилъ къ ней гимназистика, и Раиса Александровна, какъ ни сердилась, а увидѣвъ передъ собой растерянное и испуганное личико мальчугана, сдавалась.

Какъ женщина опытная, она отлично понимала, что своей фізіономіей и фігуройそろкалѣтней уже опустившейся женщины, ничего кромѣ отвращенія внушить не могла, и дѣйствовала всегда очень осторожно: сначала отдастъ мальчика какой-либо изъ своихъ дѣвицъ и лишь послѣ того, какъ приучитъ его ходить къ женщинамъ и пьянствовать, въ одинъ прекрасный вечеръ напавала его до потери сознанія и въ такомъ видѣ брала къ себѣ въ спальню и уже тутъ не стѣснялась,— если не лаской, такъ силой, пользуясь совершенной беззащитностью своей жертвы, заставляла его продѣлывать всевозможныя мерзости, и случалось, если мальчикъ попадался покладистый, она держала его у себя въ комнатѣ по два, по три дня, что не могло не привести къ скандалу.

Эта женщина впитала въ себя всю грязь тротуаровъ большого и до послѣдней степени распутнаго города, каковъ Петербургъ. Знакомство съ ней не могло не быть гибельнымъ для молодого, неокрѣпшаго организма. Она умѣла отравить попавшаго къ ней въ руки мальчика такъ, что онъ уже навсегда становился рабомъ самаго грязнаго разврата. Семья, школа теряли надъ нимъ свою власть, пути къ свободѣ физической и духовной закрывались для него навсегда.

Аликъ былъ въ числѣ ея жертвъ; въ этотъ омутъ толкнулъ его баронъ Шлоссенбергъ, тотъ самый, который и теперь предложилъ устроить

ужинъ у Раисы Александровны, благоразумно умолчавъ о томъ, что дѣлалъ онъ это по просьбѣ самой Раисы, желавшей опять залучить къ себѣ понравившагося ей мальчика.

Кончилась «перемѣна»; начался урокъ; потомъ опять «перемѣна», опять кругомъ шумѣли и играли товарищи, и Аликъ даже самъ смѣялся, шутилъ и отвѣчалъ на шутки, но на сердцѣ у него было тяжело, голова успленно работала.

— Значить, опять Раиса! Значить пропадать!.. Эхъ, все равно, пропадать—такъ пропадать!—мысленно рѣшалъ онъ, но чувство само-сохраненія было еще живо въ немъ и, несмотря на принятое будто-бы рѣшеніе, голова продолжала работать, ища выхода.

Около двухъ мѣсяцевъ тому назадъ Аликъ познакомился съ Раисой и тогда-же, почувствовавъ на себѣ ея страшную руку, съ удивительной для его лѣтъ (ему не было еще семнадцати) отчетливостью понялъ опасность и употребилъ всѣ силы, чтобы вырваться изъ подъ вліянія этой женщины, что удалось ему съ большимъ трудомъ; это она научила его подобрать ключъ къ отцовскому столу, она и заставляла воровать, строго выговаривая за то, что бралъ онъ слишкомъ мало.

— Вѣдь ты мнѣ долженъ, пойми ты это,—объясняла она ему,—разъ ты мнѣ не платишь, то ты, значить, у меня воруетъ эти деньги, а развѣ тебѣ не стыдно воровать у проститутки: вѣдь я проститутка, самая послѣдняя прости-

тутка! а твой отецъ богатъ и деньги все равно должны потомъ перейти тебѣ.

Но Алику удалось все таки оставить ее, и уже почти мѣсяцъ не былъ онъ у нея, и, хотя минутами въ немъ вдругъ, по какому-нибудь пустяшному поводу, просыпалась страсть и его начинало тянуть именно къ этой женщинѣ, именно въ этотъ омутъ, въ эту грязь, онъ удерживалъ себя и эти вспышки становились все рѣже, такъ что послѣдніе дни онъ даже не вспоминалъ Раису, хотя заказать ей ужинъ было бы самое удобное, такъ какъ ему, онъ это зналъ, она-бы повѣрила въ долгъ, а то и вовсе даже отказалась-бы отъ денегъ.

Теперь опять передъ нимъ стала Раиса и онъ не видѣлъ возможности спастись отъ нея. А тутъ еще записка отца!.. Хотя Аликъ старался скрыть отъ товарищей состояніе своего духа, но всѣ замѣтили, что съ нимъ дѣлается что-то странное; нѣкоторые догадывались, что отношенія его къ Раисѣ носятъ довольно таки компроментирующій характеръ и нашлись такіе, которые рѣшили про себя на ужинѣ не быть, но никто ничего не сказалъ ему, такъ какъ онъ держался все время около барона и видимо бравировалъ. Онъ вдругъ ни съ того, ни съ сего заявилъ, что не признаетъ ни именинъ, ни дня рожденія, ни вообще, какихъ-бы то ни было семейныхъ праздниковъ, что «это вообще предразсудки, но у корнета есть лишнія деньги, (тутъ онъ хлопнулъ себя по карману), такъ почему же и не угостить товарищей!» — Эту

фразу, сказанную умышленно громко, многіе слышали и впослѣдствіи она попала въ дознаніе, произведенное корпуснымъ начальствомъ, а въ тотъ моментъ вниманіе кадетъ привлекло слово «лишнія»,—что значитъ, лишнія деньги?

— У корнета всѣ деньги лишнія, не лишніхъ не бываетъ,—авторитетно заявилъ баронъ.

Сережа Стуловъ, рыжій, веснучатый юноша, съ энергичнымъ и смѣлымъ лицомъ, возражалъ. Онъ готовился быть артиллеристомъ и потому гдѣ только могъ спорилъ съ «корнетами».

— У порядочнаго человѣка не бываетъ *лишнихъ* денегъ! деньги не могутъ быть лишними, ихъ всегда можно употребить съ пользой.

— Пользой... разъ у меня есть деньги, я ищу удовольствія, а не пользы, я не жидъ! Эта жидовская теорія не для корнета!—отвѣтилъ баронъ.—У моего брата, онъ служитъ въ N—скомъ полку, всѣ деньги лишнія и онъ ихъ тратитъ по корнетски, вотъ это я понимаю. Недавно у него съ отцомъ произошелъ крупный разговоръ и онъ заявилъ категорически, что принципиально не платитъ и не будетъ платить ни портнымъ, ни сапожникамъ! вотъ это настоящій корнетскій принципъ!

— Хорошо, у вашего отца деньги есть, а если-бы ихъ не было, кто тогда сталъ бы выплачивать долги? все это одни разговоры, какъ пригрозили-бы судомъ, самъ первый побѣждалъ-бы къ портному,—возразилъ Стуловъ.

— Если у отца нѣтъ денегъ, — есть у бабушки; нѣтъ бабушки,— есть какая-нибудь те-